ценным моментом является и то, что две работы из рукописного наследия Канта впервые были переведены на русский язык. Можно констатировать, что новый перевод работ Канта является новой вехой в популяризации его философского наследия.

МГУ имени М.В. Ломоносова **Д.В.Г. Миронова**
dagmar@mail.ru

А.В. Разин, ред. *Иммануил Кант и моральная философия*. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2024. – 423 с. ISBN 978-5-9971-0795-6.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-92-99 УДК 1(091)

Коллективная монография «Иммануил Кант и моральная философия» представляет собой сборник статей, посвященных критическому рассмотрению этики Канта. Как утверждают составители, она имеет своей целью «отразить многогранность и в какой-то мере неисчерпаемость» (с. 5) этической мысли Канта. Разнообразие тем, которые затрагивают главы монографии, позволяет судить об успешном достижении этой цели. В монографии рассматриваются как классические проблемы этики Канта, например проблема недопустимости лжи (гл. VI) и поиски правдоподобной интерпретации категорического императива (далее – КИ) (гл. XI), так и более неординарные темы, например поиски истоков европейского нигилизма в философии Канта (гл. X). Тем не менее тематическое разнообразие глав не позволяет рассматривать монографию как систематический обзор или введение в моральную философию Канта, несмотря на наличие двух обзорных глав (гл. I и II). В силу этого обстоятельства монография представляет интерес в первую очередь для специалистов и читателей, уже знакомых, как минимум в общих чертах, с философскими идеями Канта и имеющих

© Ананьев Д.А., 2025

общее представление об основных направлениях в нормативной этике.

В аннотации утверждается, что монография исследует проблему обоснования нормативности КИ, предлагаемого Кантом в качестве фундаментального морального принципа. Эта проблема затрагивается в отдельных главах (например, гл. I и II), но нельзя сказать, что монография в целом посвящена ей. Сборник состоит из одиннадцати глав, содержательно независимых друг от друга, и не развивает единую линию аргументации. С каждой из глав можно ознакомиться, не читая остальных.

Весьма условно и приблизительно главы можно разделить на четыре группы. Первую группу составляют тексты Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова (гл. I) и Александра Владимировича Разина (гл. II), представляющие краткие обзоры этики Канта. Вторая группа – тексты, поднимающие интерпретационные вопросы и обсуждающие проблемы этической теории Канта. В нее входит текст Андрея Константиновича Судакова (гл. III), исследующий обоснование и значение идеи «царства целей» в моральной философии Канта, текст Вадима Юрьевича Перова (гл. IV), поднимающий вопрос о практической значимости этической теории Канта, текст Аслана Гусаевича Гаджикурбанова (гл. VII) – о соотношении морали и религии в философии Канта, а также текст Вадима Александровича Чалого (гл. XI), предлагающий оригинальную интерпретацию первой формулы КИ с целью защитить кантианский принцип от нескольких классических возражений. В третью группу входят тексты, обсуждающие этику Канта в контексте конкретных этических проблем. Это тексты Александра Владимировича Разина (гл. V), обсуждающего идеи Канта о моральных обязательствах в публичной сфере, и Андрея Геннадьевича Мясникова (гл. VI), предлагающего ограничения кантианского долга правдивости. Четвертая группа представлена текстами историко-философской направленности. В нее входят текст Алексея Алексеевича Скворцова (гл. VIII) о педагогических идеях Канта, текст Марины Юрьевны Васильевой (гл. IX) о значении идей Канта для философии Шопенгауэра и текст Алексея Вячеславовича Скоморохова (гл. X) об истоках европейского нигилизма в философии Канта. Далее я кратко представлю каждую из глав.

Первая глава за авторством А.А. Гусейнова представляет собой краткое, но емкое введение в моральную философию Канта. Гусейнов описывает абсолютный характер кантианского морального закона и отсутствие эмпирических положений в его формулировании и обосновании. Отдельное внимание уделяется значению понятия доброй воли и его связи с высшим принципом морали – категорическим императивом. Гусейнов обсуждает три известные формулировки КИ, а также роль разделения на феноменальный и ноуменальный миры, свободу воли и автономию человека в вопросе обоснования КИ. Важным представляется обсуждение критической реакции на этику Канта, в ходе которого Гусейнов показывает, что у этики Канта есть ресурсы, чтобы отбиться от обвинений в излишнем формализме и ригоризме. Отдельно стоит отметить, что некоторые из интерпретационных ходов в первой главе могут быть оспорены. Так, автор принимает утверждение Канта о том, что все три формулировки КИ взаимно эквивалентны (с. 33), хотя этот тезис является предметом дискуссии. Кроме того, автор утверждает, что Кант «последовательно выносит за этические скобки всё предметное многообразие человеческих целей» (с. 45). Было бы интересно прояснить, как это соотносится с позицией Канта относительно обязательных целей, а именно целей совершенствовать себя и приумножать счастье других.

Во второй главе А.В. Разин представляет общую характеристику этики Канта, обсуждая формулировки КИ и их обоснование. Отдельно стоит отметить рассуждения о роли добродетели и обязательных целей в этике Канта (с. 61–77). Разин соглашается с рядом критических замечаний в адрес теории Канта, в частности, критикуя попытку обосновать мораль автономно, т.е. независимо от гетерономных, эмпирических факторов (с. 91–93). Предполагаю, что читателю было бы интересно сравнить тексты Гусейнова и Разина, так как они представляют отличающиеся интерпретации этической теории Канта и альтернативные оценки того, насколько хорошо она может справиться с критикой.

В третьей главе, открывающей группу глав, обсуждающих отдельные интерпретационные вопросы и конкретные проблемы этики Канта, А.К. Судаков исследует идею «царства

целей». Автор обсуждает ее возникновение в моральной философии Канта, выделяет два вида дедукции этой категории и рассуждает о ее импликациях в зависимости от вида дедукции. Судаков выделяет моралистический и плюралистический виды дедукции, утверждая, что только последний дает более привлекательную картину царства целей, в которой кроме «субъектов нравственного достоинства» присутствуют «субъекты общезначимых прагматических и технических целеполаганий, а также вещи и эстетические объекты как условные и субъективные ценности и сопряженн[-ая] с ними деятельность» (с. 134).

В четвертой главе В.Ю. Перов поднимает вопрос о «практичности» (с. 143) и «практическом значении» (с. 147) моральной философии Канта. Одна из ключевых линий рассуждения автора состоит в том, что моральная теория Канта практически значима как минимум в том смысле, что дает критерий для выявления «собственно моральной составляющей в поступках и решениях людей» (с. 169), и в этом смысле представляется неуязвимой для критики со стороны экспериментального подхода к философии. Хотя рассуждение автора оригинально, постановка вопроса о «практичности» моральных теорий не совсем ясна. Моральные теории в первую очередь служат для предоставления критериев правильности или неправильности действий. В случае теории Канта таким критерием служит КИ, оценивающий действия посредством тестирования максим, лежащих в основе этих действий, на универсализуемость. Если критерии, предлагаемые моральной теорией, неверно классифицируют действия на правильные и неправильные, то теория ложна. Остается непроясненным, как упрек в непрактичности соотносится с оценкой истинности моральной теории. Если моральная теория истинна, то в каком смысле ее «непрактичность» представляется проблемой?

Седьмая глава посвящена отношению морали и религии в философии Канта. Наиболее популярной среди теоретиков представляется точка зрения, что допущения, касающиеся существования Бога, не необходимы в рамках теории Канта ни для обоснования морали, ни для выведения конкретных моральных принципов. Тем не менее вопрос о роли Бога и религии

в практической философии Канта остается актуальным хотя бы потому, что Кант постулирует существование Бога и бессмертие. А.Г. Гаджикурбанов защищает менее распространенную, насколько я могу судить, позицию, в соответствии с которой «религия и мораль являются у Канта неразрывно связанными, но с доминантой религиозного мироотношения» (с. 271). Как пытается показать автор, в философской системе Канта Бог выступает как создатель морального закона, а моральные обязанности приобретают характер божественных заповедей (с. 259). Позиция, предложенная автором, особенно интересна в связи с тем, что, на первый взгляд, неочевидно, насколько она совместима с идеей Канта о том, что моральный закон устанавливается автономной волей каждого человека.

В одиннадцатой главе В.А. Чалый рассматривает первую формулировку КИ, формулу универсального закона, и предлагает новую интерпретацию этой формулы. Этот проект особенно актуален для современных дискуссий, поскольку, хотя первая формула Канта является центральным вариантом КИ, она подвергается критике с разных сторон. Чалый дает обзор критики формулы универсального закона, рассматривая проблемы формализма, чрезмерного или недостаточного ригоризма, а также проблемы выбора релевантного описания действия, уровня обобщения максимы и возможной избыточности процедуры универсализации (с. 387–398). Затем он предлагает «фаллибилистскую» интерпретацию формулы, из которой следует, что нет единственно правильного описания действия или обобщения максимы, тестируемой в ходе процедуры универсализации. Получается, что результатом универсализации становится не один стабильный деонтический вердикт, а множество потенциально пересматриваемых вердиктов. Решение, предложенное Чалым, оригинально и заслуживает подробного рассмотрения.

Однако не до конца понятно, решает ли фаллибилизм проблему избыточности процедуры универсализации. Даже если допустить, что несколько описаний действия и обобщений описания действия до максимы могут быть корректны, неочевидно, зачем нужна процедура универсализации, если каждый из этих видов описания и обобщения производится на основании определенных обоснованных критериев. Если же этих критериев

нет, то неочевидно, как фаллибилистская интерпретация справляется с проблемой множественности описаний. Даже если существует множество допустимых описаний, как отличить их от недопустимых?

Важную часть философского наследия Канта представляют идеи о праве, справедливом устройстве государства и о моральных обязанностях в сфере международных отношений. В пятой главе А.В. Разин предлагает критический обзор этой части практической философии Канта. Автор противопоставляет «традиционную этику», которую интересуют «локальные вопросы, возникающие в связи с непосредственным отношением с теми, с кем мы находимся в прямом контакте», глобальной этике, занимающейся вопросами обязательств «каждого по отношению к человечеству» (с. 177) и морали в международной политике. Обсуждая представления Канта о справедливости в рамках одного государства и о справедливости в отношениях между государствами, Разин утверждает, что Кант предлагает новые формулировки КИ, применимые к публичной политике (с. 190–191). Это утверждение требует дополнительной аргументации. Хотя правдоподобно, что принципы, предлагаемые Кантом в трактате «К вечному миру», совместимы с классическими формулировками КИ, гораздо менее очевидно, что принципы, выделенные Разиным, можно считать формулировками КИ наравне, например, с формулой всеобщего закона или формулой человечности.

Ближе к концу пятой главы Разин кратко обсуждает проблематичность абсолютного морального запрета на ложь. Контринтуитивность такого запрета часто приводится в качестве возражения против ригористической позиции Канта. Кажется, ни одна правдоподобная моральная теория не может требовать от человека абсолютного отказа от лжи: представимы случаи, в которых отказ от незначительной, безвредной лжи влечет страдания и смерть многих людей. В шестой главе А.Г. Мясников подробно обсуждает долг правдивости, выступая против абсолютистского понимания этого долга. Позиция Мясникова состоит в том, что абсолютный отказ от лжи может быть разумно обоснован, однако не может считаться морально обязательным и может быть принципом лишь «героической этики»

(с. 221). Важная часть статьи посвящена разграничению понятий умолчания и отказа от общения, а также обоснованию допустимости соответствующих поступков. При этом Мясников утверждает, что позиция Канта относительно соблюдения запрета на ложь и требования правдивости совместима с допустимостью отказа от общения. Тем не менее допустимое умолчание или сокрытие правды зачастую может противоречить долгу правдивости в его абсолютистском понимании. Более того, автор пытается показать, что ограничения долга правдивости совместимы со взглядами Канта. Представляется правдоподобным, что из позиции Канта не следует абсолютного долга всегда говорить правду, но не до конца ясно, совместима ли она с допустимостью лжи даже в экстремальных ситуациях.

Историко-философский блок текстов открывается главой А.А. Скворцова (гл. VIII). Автор предлагает оригинальную и систематизированную интерпретацию педагогических идей Канта, сопоставляя их с идеями Руссо и Базедова. Как показывает автор, Кант разделял образование на педагогику «как практику передачи богатства культуры» и формирование культурной личности (с. 309) и на моральное воспитание, результатом которого становится формирование моральной личности. Культурное образование может достигаться частично за счет внешнего воздействия, и здесь деятельность педагога важна. Например, педагог помогает учащемуся развить в себе дисциплину, при необходимости прибегая к наказаниям (с. 284–296). Моральное воспитание же возможно в конечном счете только в результате усилий и нравственного выбора самого человека. Особенно интересным представляется предположение автора о том, что взгляды Канта на моральное воспитание связаны с его взглядами на природу морали: как моральные нормы не зависят от контингентных эмпирических фактов, так и обучение морали должно строиться не на опыте и размышлениях о конкретных примерах, а на «разумном осознании абсолютного […] морального закона» (с. 311).

Известно, что философия Канта имела сильное влияние на мысль Шопенгауэра. М.Ю. Васильева в девятой главе исследует связь между их идеями и обсуждает, как именно Шопенгауэр критиковал практическую философию Канта. Хотя Шопенгауэр

принимает кантианское разделение на феноменальный и ноуменальный миры (понимая его по-своему (с. 322–323)), его представления о природе морали сильно расходятся с представлениями Канта. Как утверждает автор, Шопенгауэр, в отличие от Канта, считает, что моральные принципы невозможно вывести через апелляцию к «чистому разуму» (с. 345). Напротив, моральная теория должна строиться отчасти исходя из природы субъектов, для которых она существует, что для Канта было бы недопустимой апелляцией к гетерономным факторам. Так, для Шопенгауэра, по мнению автора, «[…] сострадание является необходимым и достаточным условием морально ценных (хотя и не всегда морально оптимальных) действий […]» (с. 345). Несмотря на восприимчивость к моральной философии Канта, Шопенгауэр не соглашается с Кантом в самых фундаментальных вопросах.

В десятой главе А.В. Скоморохов обсуждает связь нигилистического «бунта против морали» с философией Канта. Автор, насколько я понимаю ход рассуждения, утверждает, что в силу формализма этики Канта и недостаточной содержательности она оказывается открытой к чрезмерно свободной интерпретации и «обесцениванию ценностей». Такая свобода в свою очередь ведет к «мятежу против морали», в ходе которого «сильные» люди освобождают «слабых» от бремени морального долга. Мораль становится инструментом «сильных», «слабым» же остается лишь жалость «сильных». Авторская интерпретация этики Канта как минимум нестандартна. Хотелось бы прояснить более детально, действительно ли этика Канта открыта к возражению от чрезмерного формализма. И даже если ее формализм действительно проблематичен, остается не до конца ясным, ведет ли эта проблема к «обесцениванию ценностей».

Подводя итог, можно утверждать, что монография представляет собой собрание оригинальных статей и вносит ценный вклад в русскоязычные дискуссии о моральной философии Канта. С ней будет интересно ознакомиться специалистам и интересующимся философией Канта и моральной философией.

Билефельдский университет **Д.А. Ананьев**
dmitry.ananiev@uni-bielefeld.de